

ИСТОРИЯ ИСКУССТВ

ПЕТР ГНЕДИЧ

УДК 75
ББК 85.14
Г56

Гнедич, Петр Петрович.

Г56 История искусств. Том 2 / Петр Гнедич. — Москва :
Эксмо, 2026. — 416 с. : ил.

ISBN 978-5-04-198731-2

Знаменитый искусствовед Петр Гнедич прослеживает путь искусства от величия античного Рима до формирования христианской и восточной традиций. Здесь античный порядок и монументальность уступают место духовным поискам, а художественная форма наполняется новой, религиозной глубиной. Историк искусств ведет читателя через эпоху раннего христианства — от катакомб и базилик до сияния Византии, — показывает изящество арабской архитектуры и орнаментов, а затем обращается к истокам русской культуры. Перед глазами возникает целая панорама: от древнего Киева до Московского государства, где искусство и вера сливаются в едином образе. Книга, после которой история искусства заиграет новыми красками.

УДК 75
ББК 85.14

ISBN 978-5-04-198731-2

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава пятая. Рим

<i>Страна. — Обряды и учреждения. — Архитектура. — Живопись</i>	7
---	---

Глава шестая. Древнехристианская эпоха

<i>Борьба язычества с христианством. — Катакомбы. — Базилики и баптистерии. — Живопись. — Византия</i>	139
<i>Сасаниды</i>	193

Глава седьмая. Арабы

<i>Магометанство. — Арабский стиль. — Мавританский стиль. — Магометанское искусство в Индии</i>	203
---	-----

Глава восьмая. Россия

<i>Дальнейшее развитие христианства в Европе/ — Влияние на славян Византии и Грузии. — Киев. — Владимир. — Суздаль. — Москва. — Иконография. — Одежда</i>	261
---	-----

Примечания	382
------------	-----

ГЛАВА ПЯТАЯ

РИМ

*Страна. — Обряды и учреждения. —
Архитектура. — Живопись*

I

Если мы сравним Элладу с юным, увлекающимся художником-поэтом, то Рим можно сравнить с меценатом с огромным вкусом, сознающим свое мировое величие. Он не снисходит сам до искусства, он искусство приравнивает к себе, к своим потребностям. Полное отсутствие художественной фантазии не помешало ему применить искусства к будничным, практическим сторонам жизни. Он раздвинул мелкие, низкие храмы и дворцы Греции в колоссальные постройки, элементы античного искусства пригнул к реальным требованиям своей страны, подчинил уму и рассудку то,

ГЛАВА ПЯТАЯ

над чем в Элладе работало внутреннее чувство и фантазия. В Греции нет тенденции и следа. Рим — воплощенная тенденция. Но рассудочность его развилась с таким величием, с такой полнотой, что стиль его может быть поставлен дивным историческим типом и может служить предметом искреннего удивления для потомства.

Гораздо более чистых элементов художественного творчества проявила Этрурия которая служит как бы переходным звеном от Греции к Риму. Пеласгические племена, вытесненные дорийцами за море, переходят на Апеннинский полуостров и, смешиваясь с туземцами, несут сюда свою культуру. Те же циклопические постройки возникают и здесь, но только новый каменный материал — апеннинский известняк и туф — дает новые структурные комбинации. Вытесанные клиньями камни соединяют дугой стены над воротами и дают примитивное представление свода,

СТИЛИЗМ РИМА ПРОЯВИЛСЯ ПЫШНЕЕ
ВСЕГО В АРХИТЕКТУРЕ.

прототипом которого служил портик Эфиопской пирамиды в Мероэ. Здесь не соблюден закон сводчатой постройки, но это дает мотив изобрести его [2]. С течением веков искусство Этрурии, совершенствуясь, идет по следам Греции, создавая четырехугольные храмы с тремя целлами, наосом и пронаосом. Изящная простота редко расставленных колонн дает так называемый тосканский ордер. В произведениях пластики чувствуется восточный азиатский характер: та же приземистость, та же мускулатура, поворот плеч анфас, а лица в профиль. Но зато до каких благородных форм развивается в Этрурии керамика. Терракотовые вазы с множеством фантастических фигур указывают на мощный полет художественного творчества этрусков, до которого Рим никогда не возвысился.

Стилизм Рима проявился пышнее всего в архитектуре. Этрусские и эллинские формы были им приняты в самых роскошных проявлениях. Коринфская вычурная капитель пришлась как раз по душе римлянину. Колоннада — его любимый конструктивный мотив. И внутренние и внешние пространства стали заполняться галереями. Величавость и могучесть свода развились до монументального

ГЛАВА ПЯТАЯ

величия. Громадность построек не пугала римлянина: ему не казалось невозможным провести огромный акведук, по которому вода бежала бы из-за многих верст прямо к центру города. Арка была мотивом и памятника, и моста, и театра. Аркада становилась на аркаду, причем в детальной обработке внешностей художественное воображение не подсказывало ему новых форм: он заимствовал из Греции кривые архитравы. Сводчатая кладка по мере своего развития обратилась наконец в купол и полукупол, венчающий полукруглые ниши. Римлянин очень щедр на украшения, он рассыпает их всюду, не придерживаясь тонкой строгости греческого вкуса. Подобно тому как в синтаксисе каждая фраза римской речи строго рассчитана на эффект общего, помимо своего внутреннего, характера, так и в римском зодчестве — отдельная постройка приносится в жертву общему впечатлению целой совокупности зданий. Форум составлялся по тщательно обдуманной декорации. Нередко декоратором делали самоё природу, чему немало способствовала гористая местность окрестностей Рима. В Тиволи храм Весты поставлен на край обрыва с явным намерением произвести театральный эффект пейзажа. Подчинение такой декоративности могло, конечно,

Саркофаг супругов. VI в. до н. э. Вилла Джулия, Рим

ГЛАВА ПЯТАЯ

повести искусство к неудержимому произволу, но римляне, по крайней мере в лучшую пору расцвета своего искусства, избежали этого такой строгой приверженностью канону в выработке архитектурных форм, что монотонность их стиля впадает в школьный, сухой педантизм. Практичность римлянина подчинила себе и пластику: она низвела ее до степени иллюстрации. Римлянин признавал за скульптурой портрет или изображение какого-нибудь исторического события, не задаваясь никакими отвлеченными идеями.

При раскопках Помпеи мы встречаем воздушные, мягкие, игривые формы позднегреческого искусства. Самобытная отделка эллинских форм — уже бестолкова и утрачивает свою чистоту. Декоративностью, и притом весьма легкой, залита Помпея. Здания рассчитаны на дополнение прелестей очаровательной природы.

При изучении искусства Эллады вместе с тем изучают и историю ее быта, так как искусство вошло в плоть и кровь грека. Изучая быт римлян, мы замечаем, что у них искусство отходит на второй план: их стройные мировые идеалы выражаются в могучем законодательстве, в стремлениях

ГРЕКИ И РИМЛЯНЕ, НЕСМОТРА
НА БЛИЖАЙШЕЕ СОСЕДСТВО,
ПРЕДСТАВЛЯЮТ РЕЗКИЕ КОНТРАСТЫ.

к определенным идеалам государства. Оттого-то история Рима так полна мощными характерами, образцами беззаветной жертвы ради принципа государственности. Весь Рим словно составляет одну железную волю.

Греки и римляне, несмотря на ближайшее соседство, представляют резкие контрасты: их характеры совершенно самобытны. Воззрения их на один и тот же предмет нередко диаметрально противоположны. То, что у греков считалось, то не заслуживало внимания у римлян; то, что Рим клеймил как порок, в Греции считалось чуть не за доблесть. Римлянин смотрел на характер меркантильного грека (идеалом которого был хитроумный Одиссей) с более возвышенной точки зрения: отчасти так, быть может, как мы смотрим на жида-фактора. Но и грек смеялся, в свой черед, над чванством римлянина, над отсутствием в нем истинного художественного чутья, над тем, что он корчил

ГЛАВА ПЯТАЯ

из себя мецената, над тем даже, что он за модный язык взял язык греческий, оставив свой, родной, для плебса.

Абсолютная власть отца в каждой семье породила такую же абсолютную власть в государстве. Данный магистрат (должностное лицо) пользовался неограниченной властью в своей сфере: неповиновение ему влекло за собой смертную казнь. Правда, тот же магистрат, сложив с себя свою должность, делался ответственным перед законом за свои проступки, но, пока он был на своем месте, власть его была неограниченна. Нигде предания, быть может, не чтились так свято, как в Риме: обычай предков был главным руководителем политической жизни, всякое новшество принималось с неудовольствием, на реформатора смотрели как на преступника, которого рано или поздно покарает гнев богов.

Нельзя сказать, что характер римлянина был симпатичен. Он был слишком жесток, даже неуклюж. Рим был тираном идеи и, достигая данную цель, доводил ее до конца, не стесняясь никаких средств. Но пока растление не коснулось Рима, пока вслед за тем новый, свежий христианский элемент не пошатнул старый Олимп, до тех пор он крепко

держался своей приверженности к традиционной покорности раз выработанных принципов.

Основная идея Рима — покорность главе рода, покорность безусловная, слепая. Он был единственный собственник состояния семьи, он мог утопить безобразного ребенка, мог кинуть его на произвол судьбы только потому, что он родился, окруженный неблагоприятными пророчествами птицегадателей. Взрослый сын не выходил из-под отцовского начала: власть отца во всей силе оставалась до самой смерти владыки или прекращалась с лишением его прав состояния. Сын мог приобрести состояние, но оно принадлежало отцу. Но едва только сын вступал в исполнение обязанностей гражданина, отец склонялся перед его властью. Старый полководец Фабий Максим Кунктатор, занимавший низшую должность относительно своего сына — консула, однажды получил от последнего грозный приказ — сойти с лошади при встрече, как того требовало постановление закона. И тот с радостью повиновался, сказав, что искреннее его желание — видеть сына, точно исполняющего должность, порученную ему Римом.